

Хэлянь Чэн снова и снова перепроверял бухгалтерскую книгу, чтобы убедиться, что имя человека, получающего незаработанное, проштамповано его личной генеральской печатью.

Служба в армии – тяжелый труд, а защита границы – еще тяжелее. Династия Даци правила всего 51 год, и за это время сменилось три императора. Все они были честны и справедливы, но границы оставались беспокойными, а войны – частыми.

Внешние враги и варвары не дремали, требовалось усилить оборону и увеличить численность армии. Но после долгих лет войн и хаоса народ нуждался в передышке. Принудительный призыв был невозможен.

Оставалось лишь привлекать людей на службу различными способами: повышением денежного довольствия, выплатой жалованья на месте, увеличением пенсий.

Рядовой солдат в Даци получал два таэля серебра в месяц. Северо-Западная армия, как пограничная, получала надбавку, и жалованье составляло около трех с половиной таэлей.

Годовой доход обычной семьи составлял всего дюжину-другую таэлей, а солдаты жили и питались в казармах, экономя на всем. Их жалованье можно было считать чистым доходом, и было весьма высоким.

Эта тактика работала. В Даци никогда не испытывали недостатка в солдатах, но государственная казна трещала по швам.

Император, горячо поддерживавший эту политику, даже субсидировал армию из собственных средств. Он жил в стесненных условиях и постоянно высматривал среди министров коррупционеров, чтобы пополнить казну.

Хэлянь Чэн, самый доверенный и любимый генерал императора, также был сторонником этой политики. Он знал ситуацию лучше всех и был глубоко тронут. Он всегда старался экономить деньги и лично составлял списки посещаемости и выплачивал жалованье.

Он знал, где находится каждая медная монета в Северо-Западной армии, хотя и приблизительно.

Месячное жалованье – три с половиной таэля, а в отчете значится недостача в пятьдесят вэнь. Стыдно говорить, что это незаконная выплата. Казалось, интендант ошибся в расчетах.

Но процент посещаемости слишком низок! Он лично контролировал ежедневные тренировки своего личного батальона охраны, не давая поблажек... Это могли быть только новобранцы, которые только что прибыли.

— Лун Аотянь...

Хэлянь Чэн снова и снова повторял это имя, но не мог припомнить, чтобы слышал его раньше. Его брови сошлись на переносице, и он уверенно произнес:

— В моей армии нет такого имени.

Хэлянь Чэн помнил каждого солдата под своим командованием и был уверен, что в его армии такого человека не было.

Он приказал проверить списки еще раз, но Лун Аотяня нигде не было.

— Неужели пятьдесят вэнь улетели в пустоту? Кто такой смелый?

Хэлянь Чэн приказал интенданту пока не выдавать себя и выждать, пока трусливый и жадный призрак ослабит бдительность, прежде чем действовать.

В душе Хэлянь Чэна закралось сомнение. Он не понимал, зачем приказал новобранцам зарегистрироваться перед началом тренировок.

В течение нескольких дней имя «Лун Аотянь» появлялось в списках переключки. То на утренней зарядке, то на вечерней тренировке, то на занятиях по противостоянию... Он появлялся раз в день на разных тренировках. Единственное, что их объединяло – это базовые упражнения для новобранцев.

Хэлянь Чэн намеревался поймать этого призрачного солдата. Ему повезло, что в день прибытия и распределения новобранцев он лично присутствовал на смотре, что случалось крайне редко. Он хорошо запомнил каждого прибывшего, даже приготовил ручку и бумагу, чтобы записывать их сильные и слабые стороны.

Этот кропотливый труд принес свои плоды. Он отобрал много талантливых новобранцев, один из которых был даже редким дарованием. Он взял его к себе и тренировал лично, как полу ученика.

Хэлянь Чэн был уверен, что не слышал и не видел Лун Аотяня на смотре. Но случилось странное: этот человек появился в его книге записей.

Под именем Лун Аотяня, словно кинжалом, вырезана целая страница комментариев:

«Поза атаки выверена до миллиметра, базовые навыки – фундамент, но силы в нём – кот наплакал. Худ, как жердь, слаб, как новорожденный воробей. Кормить его нужно, да откармливать, чтоб мясом оброс.

Характер спокойный. В опасности тело извивается змейёй, уклоняясь с немыслимой скоростью,

принимая нелепые позы. Физическая форма отличная, но подготовки – ноль. Следует проводить экстремальные тренировки, чтобы максимально раскрыть потенциал тела.

Не нападает первым, ждёт выпада противника. Аналитик от бога, чужие приёмы схватывает на лету, перенимает и применяет. Любит планировать, прежде чем действовать... Но боевого опыта нет, не знает, что делать, если правила боя игнорируются.

Усилить физическую подготовку, закалить в боях... Лучших оставить в лагере, Хэлянь Чэн займётся ими лично».

Хэлянь Чэн ощутил, как по спине пробежал холодок, глядя на эти плотно расположенные слова, написанные его собственной рукой.

«Новобранцев распределить по лагерям. Интендант выдаст военное снаряжение: доспехи, оружие».

Хэлянь Чэн открыл бухгалтерскую книгу интенданта, и имя Лун Аотяня, скрепленное его генеральской печатью, врезалось в глаза.

Хэлянь Чэн застыл, словно громом поражённый.

Той же ночью, крадучись, он вошёл в кабинет лекаря. Под настороженными взглядами израненных солдат, он пробормотал, словно во сне:

— Доктор, у одного из моих подчинённых... кажется, помрачение рассудка.

— Его тело творит такое, о чём он и не подозревает, например, обучает новобранца. Я всё перерыл, но такого солдата в лагере нет. И куда подевались пятьдесят монет, ротанговый доспех и оружие, что я выдал? Можно ли их вернуть?

Лекарь промолвил:

— ... Боюсь, дело не в пятидесяти монетах и ротанговом доспехе, а в вашем здоровье, господин Хэлянь!

Хэлянь Чэн вскинул голову:

— Доктор, моего подчиненного ещё можно спасти?

Сюэ Цзинань, словно одержимый, начал истязать себя тренировками. Так проявлялось компульсивное поведение ожившего цифрового существа. Запустившись, программа не знала пощады, игнорировала ошибки, пока не зависала намертво, пока не обрывалось питание или не проникал вирус.

Такова уж прямота цифрового существа.

В арсенале Хэлянь Чэна было бесчисленное множество видеоуроков по военной подготовке. Сюэ Цзинаню достаточно было увидеть запись лишь раз, чтобы все данные, все движения, отпечатались в его сознании. Он мысленно произносил название упражнения, и тело тут же повиновалось, исполняя его с безупречной точностью.

Несмотря на это, Сюэ Цзинань смотрел новое видео каждый день. Он изучил меньше половины, но уже был поражён богатством содержания этих уроков.

Вероятно, ему понадобится год-два, чтобы осилить их все. Когда Сюэ Цзинань пересмотрит последнее видео, а у Хэлянь Чэна не останется больше нового материала, он, скорее всего, забросит это «обучающее программное обеспечение».

Сюэ Цзинань не бросал учёбу на полпути. Даже когда он чувствовал, что знает всё, что объясняет учитель Цэнь, и становилось скучно, он просто сворачивал страницу и отвлекался на посторонние дела, параллельно выполняя и отправляя домашние задания.

В то же время Сюэ Цзинань не повторял пройденное, например, класс учителя Цэня по конфуцианской классике и альтернативный класс учителя Цэня по Книге обрядов.

Учебное программное обеспечение отображало расписание занятий. Менялись только учителя, курсы оставались прежними. Сюэ Цзинань всегда выбирал новое время и новый учебник.

Поэтому учитель Цэнь, смутно подозревавший неладное, снова подбросил сложное домашнее задание. Взволнованный, он вернулся в даосский храм и с трепетом ждал ночи. Жёлтая бумага на столе лежала ровно, гладкая и чистая, без единой закорючки.

— Может, мои уроки слишком просты для него?

Господин Цэнь решил взять ситуацию под контроль и проверить свою теорию.

Наступил очередной урок мастера Цэня. Принцы и их товарищи по учебе, широко раскрыв глаза, с ужасом осознали, что словно оглупели и не понимают ни слова из того, что говорит наставник!

Весть об этом мгновенно разнеслась по гарему и привлекла пристальное внимание родителей. В ту ночь во дворцах принцев горел свет, и они, не смыкая глаз, корпели над книгами. Даже четвёртого и пятого принцев, наслаждавшихся длительным отпуском, матери заставили учиться.

Дворец Ихэ.

Четвёртый принц сомкнул веки, затем снова открыл их:

— Мама, я больше не могу. Я хочу спать.

Супруга Чжэнь перебирала чётки и нежно говорила:

— Тебе всё равно будут сниться кошмары, так лучше почитай книги. Может, море знаний во сне не покажется таким страшным.

Четвёртый принц, не питавший любви к учёбе, так испугался, что сон как рукой сняло:

— ... Нет, мама, это ещё страшнее!

Двор Ханьсянь.

Хунлин помогла пятому принцу подняться с кровати и встала рядом, держа чашку с освежающим чаем.

— Ваше высочество, ваша матушка сказала, что чтение книг делает мудрым и рассудительным. Если вы присмотритесь, то поймете, как она заботится о вас.

Пятым принц усмехнулся, его глаза горели насмешкой, а слова звучали ещё раздражительнее, чем обычно:

— Что ей опять от меня нужно?

Хунлин не удивилась его словам. Она лишь вздохнула и покорно ответила:

— Ваше высочество, не смущайте меня.

Пятый принц помрачнел. Он был в дурном настроении и не собирался что-либо говорить. К тому же, он знал, что Хунлин лишь номинально находится у него в услужении, а на самом деле выполняет приказы его матери. Спорить с ней не имело смысла, поэтому он просто молчал.

Но молчание не означало согласия. Пятый принц даже не взглянул на книги, лежавшие на столе. Он полез под подушку и достал книгу, название которой показалось ему немного странным.

Другие слуги, увидев откровенную картинку на обложке, покраснели и отвели глаза. Хунлин немного помедлила, затем тихо отошла в сторону с невозмутимым видом, наблюдая за происходящим.

В конце концов, он сказал, что читает, но не уточнил, что именно, ха-ха. Пятый принц презрительно усмехнулся про себя.

Принцы во дворце были вовлечены в безумную гонку обучения, осознанную или вынужденную, но главный виновник этого переполоха спал этой ночью как младенец.

В даосском храме учитель Цэнь, так и не получивший домашнее задание, в отчаянии нахмурился:

— Может, задания недостаточно сложны?

— Нет, ни в коем случае! — Юаньшэн, который теперь тоже учился с принцами и должен был выполнять домашние задания, прервал ужасную речь своего хозяина. Поэтому независимо от того, правда это или нет, это должно быть не так.

Юаньшэн, которому было поручено внедриться в общество принцев и принцесс, тоже не добился успеха. Он выдвинул гипотезу:

— Может, его вообще не было в учебном кабинете? Может, ему просто однажды повезло попасть на урок?

Сам того не подозревая, Юаньшэн угадал ответ. Учитель Цэнь нахмурился и задумался, затем решил пойти коротким путём и сжечь немного бумаги, чтобы спросить.

...Даже если другая сторона настаивает, что он или она не умер, и что нет необходимости сжигать бумажные деньги.

Но это всего лишь вопрос! Нет ничего плохого в том, чтобы сжечь бумагу, когда что-то происходит. Учитель Цэнь был уверен в своей правоте.

С этого момента учитель Цэнь, у которого появилось новое занятие, открыл новую дверь для общения и взял за привычку сжигать бумагу для Сюэ Цзинаня всякий раз, когда у него было свободное время.

Сюэ Цзинань не ответил на секретный запрос учителя Цэня о его личности. Он больше не был безобидным телефоном. Теперь он – человек-машина, наделённый такими навыками, как «лгать в глаза, делать ложные заявления и пользоваться чужими слабостями для достижения цели».

Сюэ Цзинань сделал вид, что ничего не замечает, просто посмотрел на сегодняшнее домашнее задание и сдал его за считанные секунды.

Когда повседневная жизнь Сюэ Цзинаня вошла в привычное русло, появился пятый принц, на этот раз с настоящим орудием убийства.

Это был длинный меч из чистейшего железа, на рукояти которого был выгравирован цветок лотоса. Не простой предмет.

— Нравится?

Пятый принц сидел на стене и не собирался спускаться. Лицо его было бледным, словно он только что оправился от тяжёлой болезни.

Он достал из рукава листок бумаги, приподнял подбородок и злорадно улыбнулся:

— Седьмой брат, я записал для тебя все выдающиеся качества наших старших и младших братьев. Сегодня в учебной комнате у нас будет оценка, как насчёт того, чтобы я взял тебя с собой повеселиться?

Автору есть что сказать:

Пятый принц: Братья, я привёл с собой Короля Ада! Ха-ха-ха!!